

Нонна Шляхова (*надалі — Н. Ш.*). Почнемо з головного — що таке література, які є типи літератури і якої інтерпретації вони вимагають?

Запрошуємо до слова *Черноіваненка Євгена Михайловича*.

Евгений Михайлович Черноиваненко. Тип ЛИТЕРАТУРЫ И ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. Насколько мне известно, сегодня у нас много выступающих. Для того, чтобы уложиться в отведенный регламент, нужно быть очень лаконичным. В связи с этим я решил построить своё выступление не как доклад в привычном смысле этого слова, а как развёрнутое изложение пяти основных тезисов, на которых базируется моё понимание данной проблемы.

1. Анализируя литературные произведения, мы всё ещё нередко исходим из презумпции о том, что литература по самой своей природе всегда была такой, какой является ныне. Менялись темы и проблемы, жанры и стили, поэтические приёмы и авторские стратегии, однако природа литературы оставалась неизменной. Но если существует «литература вообще», то проблема её интерпретации тоже приобретает метафизический статус «вообще». Иначе говоря, суть проблемы интерпретации оказывается единой для всех периодов в развитии литературы. Между тем это далеко не так. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, насколько по-разному понималась, ставилась и решалась эта проблема в рамках религиозно-риторического, светско-риторического и эстетического типов литературы, т. е. в эпоху Средневековья, в XVIII веке и в веке XIX.

2. О том, как рассматривалась проблема интерпретации в эпоху Средневековья, ясно писал А. Я. Гуревич в своей работе

«Категории средневековой культуры» (1972): «...каждый текст Писания истолковывался как буквально, так и духовно или мистически, причём мистическое толкование... имело три смысла. Таким образом, текст получал четыре интерпретации. Во-первых, его следовало понимать с фактической стороны («историческое» толкование). Во-вторых, тот же факт рассматривался в качестве аналога иного события (напомню, что многие события Ветхого Завета аллегорически соотносились с событиями Нового Завета) («аллегорическое» толкование)... В-третьих, давалось нравоучительное толкование: данное событие рассматривалось как моральный образец поведения («тропологическое» толкование)... В четвёртых, в событии раскрывалась сакральная религиозная истина («анагогическое», то есть возвышенное, толкование)» [1, с. 94]. Хотя теологи применяли этот способ интерпретации только к Писанию, существовала тенденция распространять «четырёхсмысленное» толкование и на мирские произведения. Так, например, Данте в одном из писем утверждал, что его «Комедию» следует подвергнуть многосмысленному толкованию, «ибо одно дело — смысл, который несёт буква, другое — смысл, который несут вещи, обозначенные буквой» [1, с. 95]. Итак, истолковывая произведение, нужно было сформулировать четыре его значения, при этом, как минимум, три из них (его «духовные» значения) были обусловлены религиозной концепцией двоемирия, идеями эзотеричности и мистичности практически любого знания. При этом предполагалось, что у каждого из значений может быть лишь один правильный вариант.

3. Совершенно иначе дело обстоит в светской культуре эпохи Просвещения, где уже нет места двоемирию, где многозначный и труднопостижимый религиозный символ уступает место простенькой аллегории. Идея произведения выражается не столько даже в образах, сколько непосредственно в тексте, «напрямую», с помощью персонажей-резонёров, комментариев автора-повествователя, рассуждений героев, красноречивых эпиграфов и т. д. Всесильный автор делает всё для того, чтобы мы никак не могли хоть сколько-нибудь неправильно истолковать идею его произведения, и это действительно оказывается практически невозможным. Ну, можно ли всерьёз задумываться над истолкованиями, скажем, фонвизинского «Недоросля» или карамзинской «Бедной Лизы»? Тут всё настолько однозначно,

что задумываешься лишь над тем, можно ли вообще постижение таких произведений называть истолкованием, интерпретацией, ибо эти понятия предполагают возможность вариантов, которые литературой светско-риторического типа не предусматривались.

4. Совершенно иначе дело обстоит в художественной литературе XIX—XX веков. Здесь идея выражается не в тексте, а в художественном мире. Следовательно, носителем идеи теперь является не слово, а образ, слово же служит строительным материалом для образа. Идею, воплощённую в образе, постичь значительно сложнее, чем идею, воплощённую в словах, ибо явление, как следует из гегелевской диалектики, всегда богаче сущности. И это первая причина, почему теперь идея интерпретируется нами по-разному. Вторая же причина заключается в том, что художественная литература (т. е. литература эстетического типа) предполагает особый способ восприятия её читателем — переживание. В этот процесс включена не только наша сфера разума, но и весь наш жизненный, эмоциональный, читательский опыт, наши убеждения, идеалы, чувства. Вот почему результатом чтения является не рационально сформулированная сентенция вроде «Вот злонравия достойные плоды» (у Фонвизина) или «И крестьянки любить умеют» (у Карамзина), а сложное, рационально-эмоциональное по своей сущности, идейно-образное впечатление от произведения, некая тотальная импрессия, которая крайне трудно и с большими потерями поддаётся формулированию в виде сентенции. В силу этого главной специфической чертой художественной идеи является её принципиальная многозначность: её по-разному истолковывают не только читатели разных эпох, но даже и одной эпохи, более того, один и тот же читатель в разные периоды своей жизни может весьма различно толковать одно и то же произведение. Ещё примечательнее то, что даже сам автор затрудняется сформулировать идею своего произведения.

5. Таким образом, в пределах каждого типа литературы процесс истолкования произведения предполагал совершенно разные цели и методы, а само понятие интерпретации трактовалось весьма специфично.

1. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Искусство, 1984. — 350 с.

Н. Ш. Чи можемо дійти висновку, що за всієї художньо-естетичної відмінності типів літератури саме текст є первинною даністю всього гуманітарно-філологічного мислення?

Як відомо, процес естетичного сприймання не обмежується художнім текстом, свою специфіку (філософську, соціологічну, естетичну) має і критичний текст — про це попросимо розповісти *Раковську Ніну Михайлівну*.

Нина Михайловна Раковская. ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ. К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. *Постановка проблемы.* Проблема интерпретации и рецепции в художественном тексте давно обсуждается в современном гуманитарном дискурсе. Об этом свидетельствуют работы Н. Астрахан, М. Гирняк, Н. Лейдермана, С. Луцак и др. Вместе с тем аспекты, связанные с исследованием критического текста нуждаются в некоторых уточнениях.

Заметим, что проблема интерпретации была заявлена еще в 1912 г. А. Горнфельдом в статье «О толковании художественного произведения». Речь шла о том, что произведение можно считать завершенным лишь тогда, когда оно соприкасается с читательской аудиторией, более того, образы, созданные художником, остаются неподвижными формами до тех пор, пока они не заполняются «новым содержанием, новым смыслом различных поколений читателей».

В поисках новых методов исследования художественного текста внимание ученых сосредоточено на социокультурных, психоаналитических, естественно-научных и других междисциплинарных подходах. В этом плане интерес представляют работы В. Тюпы, связывающие проблемы коммуникации с разнообразными гуманитарными технологиями; Н. Астрахан, исследующей соотношение анализа и интерпретации; М. Гирняк — об авторском сознании и т. д. Укажем и на тот факт, что критический текст в XXI веке рассматривается как метатекст, имеющий свою научную парадигму. В таком случае, он является имплицитным критическим текстом, определяющим условия, «условности» (В. Шмидт), характер самого общения, внутренний комментарий. Критический текст исследуется и как социокультурная инсти-туция, ориентированная на «публичную сферу». Таким образом, критический текст, как нам представляется — это синтезное образование, соединяющее в себе целый ряд гуманитарных аспектов (философских, культурологических, поэтологических и др.).